## XIII. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ С. П. ШЕВЫРЕВА ОТЪ МОСКВЫ ДО ФЛОРЕНЦІИ.

(1860).

Брестъ-Литовское шоссе, соединяющее Москву съ Варшавою, есть произведеніе современнаго намъ инженернаго искусства въ Россіи. Замѣчательно, что на 1189 верстахъ, отдѣляющихъ Варшаву отъ Москвы, эта дорога не соединила съ ними ни одного губернскаго города. Скажутъ, стратегическія и покорныя имъ инженерныя соображенія имѣли въ виду одну только прямую линію; но взгляните на карту: Смоленскъ и Минскъ или Могилевъ не помѣшали бы прямизнѣ стратегической линіи, а между тѣмъ такая дорога могла бы вывести Могилевъ съ его губерніею изъ его безпомощной бѣдности и предложить Смоленску богатыя средства для торговли и промышленности. Что̀ ужъ говорить о селахъ и деревняхъ? Если губернскіе города большая дорога миновала, то села и подавно: она побросала ихъ съ себя долой, какъ вещь совершенно для нея ненужную. На всемъ обширномъ пространствѣ 1200 верстъ ихъ почти не видишь. Мнѣ припоминаются только Александровскій Хуторъ, принадлежащій какой-то Русской богатой помѣщицѣ княжескаго рода, да мѣстечко Кричевъ на берегу рѣки Сожи, гдѣ красуются великолѣпныя палаты Польскаго пана. Дорога круто поворачиваетъ въ лѣво; здѣсь уже ясно видно, что въ Варшавскомъ шоссе виновата не одна стратегія, а скорѣе инженерная цивилизація, преобразующая наше отечество. На другихъ шоссейныхъ трактахъ, гдѣ не могло и быть никакихъ стратегическихъ соображеній, не тоже ли самое мы видимъ? По Ярославскому шоссе куда дѣвались тѣ огромныя, величественныя села, которыми прежде увивалась большая дорога? По Тульско-Орловскому

мнѣ помнится только одно большое село Сергіевское, принадлежащее какому-то Петербургскому вельможѣ, село, въ которомъ нашъ повѣствователь Тургеневъ открылъ славныхъ народныхъ пѣвцовъ, отличающихся голосами и мастерствомъ своего пѣнія.

Нѣтъ, инженерная цивилизація наша, проводя дороги по всѣмъ концамъ любезнаго отечества, не признаётъ, по обыкновенію своему, ни города губернскаго, ни уѣзднаго, ни села, ни деревни; она признаетъ только болото, ровъ и гору.

Въ этомъ прежде всего участвуетъ ложная мысль, что она дорогами своими должна преобразовать старую или правильнѣе создать новую Россію. Она не только про себя, но даже публично говорила: построются новые города, новыя села и деревни, вдоль по моимъ дорогамъ. Старыхъ не нужно съ ихъ патріархальными обычаями и преданіями; лучше имъ навсегда исчезнуть и не существовать. Но что же видимъ мы на дѣлѣ? Многолѣтній опытъ доказалъ, что новыя дороги не создали не только ни одного новаго города или села, но даже ни одной порядочной деревни. Нѣтъ и намека на такое созданіе. Выстраиваются только отдѣльные хутора, постоялые дворы, трактиры, а всего болѣе кабаки, увеселяющіе странниковъ большой дороги. Но вотъ что̀ еще удивительнѣе: города, которые соединило шоссе, нисколько не поправились. Тяжелое впечатлѣніе производятъ на Русскаго путника Медынь, Юхновъ, Рославль, Чериковъ, Рогачевъ, которые остались на большой дорогѣ. Сколько домовъ развалившихся, не говоря уже о сгорѣвшихъ, благодаря пожарному состоянію нашего отечества. Что за лавки! Что за гостинные дворы! Грустно, тошно и больно Русскому сердцу! Первая страница Мертвыхъ Душъ въ лицахъ такъ и вертитъ въ очью! Но какая же тому причина? Почему же эти города не процвѣли отъ шоссейнаго пути, ихъ пощадившаго? Конечно, главная причина заключается въ томъ, что обижены села и деревни, сброшенныя съ большой дороги. Городъ цвѣтетъ не самъ собою, а ими. Въ бѣдности городовъ отзывается бѣдность земли и сельскаго ея населенія. Городъ питается и цвѣтетъ деревнею, и взаимно деревня городомъ; но разорите деревню, и города не будетъ.

Вотъ къ чему привела инженерная цивилизація, не уважающая преданій. Другая слабая сторона этой преобразующей цивилизаціи есть ея страсть къ болотамъ. Какъ свою страсть къ преобразованіямъ, такъ и страсть къ болотамъ, она думала наслѣдовать отъ великаго преобразователя, построившаго Петербургъ. Смотря по тому, какъ выбираетъ она, помимо городовъ и селъ, самыя топкія и болотистыя урочища, невольно заключишь, что не инженерное искусство существуетъ для проведенія большой дороги, а дорога для инженернаго искусства. Оно, задавая себѣ труднѣйшія задачи, кажется, такъ и лѣзетъ въ поэзію искусства свободнаго отъ всякой практической цѣли. Повидимому, инженеры наши между собою только и соревнуютъ о томъ, кто поглубже выберетъ болото для того, чтобы на немъ изумить проѣзжающаго своимъ искусствомъ. Иногда выбираются и другаго рода препятствія: рвы для великолѣпныхъ мостовъ и горы для срытія, по которымъ шоссе гнется и извивается какъ удавъ, поглощающій на пути своемъ все живое, всякую жизнь народную, и признающій одно только: камень и воду.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что если бы инженерная цивилизація уважала историческія преданія и не презирала нашихъ городовъ, селъ

и деревень, проводя дороги свои не для существующаго теперь въ нихъ народонаселенія, а для какого-то мнимаго будущаго, существующаго въ ея неистощимой фантазіи,—менѣе встрѣчала бы она болотныхъ и горныхъ препятствій, и дешевле обходились бы государству дороги, принося больше пользы. Народъ первоначально селился, слѣдуя инстинктамъ человѣческой, еще неискаженной природы и избиралъ, конечно, лучшія, болѣе здоровыя и прочныя мѣста для своихъ поселеній. Какъ же не уважить этихъ преданій! Какъ идти совершенно на перекоръ здравому смыслу всей народной жизни и извращать всю географическую карту народа, эту живую, первоначальную лѣтопись его исторіи, въ силу одного фантастическаго своего произвола! Конечно, иной кривой обходъ, который принялъ бы цвѣтущее село въ объятія великаго пути, потребовалъ бы, при большей пользѣ, гораздо меньшихъ издержекъ, нежели иная многоверстная топь, стоившая милліонной насыпи, или многосаженный ровъ, гордящійся великолѣпнымъ мостомъ, требующимъ неистощимой починки.

Въ Варшавѣ, у графа П. Д. Киселева, я встрѣтился съ г. Колиньономъ, славнымъ Французскимъ инженеромъ и строителемъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и сообщилъ ему мои замѣчанія относительно того пренебреженія, съ какимъ у насъ минуютъ города, села и деревни, проводя шоссе и желѣзныя дороги. Г. Колиньонъ совершенно согласился съ истиною этого замѣчанія и прибавилъ: «Такого рода явленія только въ вашей землѣ и встрѣчаются; вездѣ дорожатъ такими указаніями (indications), какія далъ народъ въ первоначальныхъ своихъ поселеніяхъ, избирая земли твердыя и лучшія; и если бы у васъ ими дорожили, то дороги, принося больше пользы народу, обходились бы гораздо дешевле». Въ Италіи не только шоссе, но и желѣзныя дороги уважаютъ самые малые городки.

Какъ бы любопытно было узнать: что̀ сталось съ нашими селами и деревнями съ тѣхъ поръ, какъ ихъ оттолкнула отъ себя большая дорога? Куда дѣвалась ихъ жизнь, ихъ промышленность? Какую физіономію представляютъ теперь эти несчастные выброски общественной жизни, не принятые внутрь жилъ Россіи, какими должны быть ея дороги? О какъ бы замѣчательна была ихъ исторія, вѣроятно, самая плачевная, со времени этого незаслуженнаго изгнанія ихъ изъ среды общественнаго движенія земли Русской! Чтобы кому нибудь изъ повѣствователей Русскихъ, наблюдающихъ жизнь отечества, разсказать такую исторію? Кому же неизвѣстно: большія дороги, со времени Римлянъ, которые первые ихъ проводили, соединяли людей, просвѣщали, обогащали; у насъ же большая дорога разъединяетъ, мрачитъ и разоряетъ. Вотъ что значитъ проводить дороги для одной стратегіи и инженернаго искусства, не уважая преданій исторіи, географіи народной и презирая союзъ человѣчества, для котораго доро̀ги единственно и служатъ.

По Брестъ-Литовскому шоссе всего болѣе поражаютъ вниманіе ваше болота. Ихъ непрерывная цѣпь еще поразительнѣе бываетъ осенью, обдавая васъ вѣчнымъ туманомъ и влажною сыростью. Но нигдѣ такъ не отличилось инженерное искусство, побѣждая ихъ, какъ подъ городомъ Рославлемъ: что за насыпи, что за безконечные мосты по озерамъ!

Замѣчательное совпаденіе явленій: страсть къ преобразованію въ своихъ крайностяхъ, въ какой бы сферѣ ни являлась, всегда любитъ

нарушенія законовъ природы. Возьмите повѣствовательную нашу литературу въ ея современныхъ явленіяхъ. Ее одолѣла также страсть къ преобразованію. Она задала теперь задачу преобразованія Русской женщины. Что же мы прежде всего видимъ въ новомъ ея идеалѣ, который повѣсть съ такою любовію изображаетъ? Нарушеніе самыхъ простыхъ законовъ женской природы. Первоначальный инстинктъ женщины—стыдливость и чувство дѣвственности: это понималъ и язычникъ Клеомѣнъ, ваяя рѣзцомъ своимъ Венеру Медицейскую. Но этого не понимаетъ у насъ авторъ повѣстей: Первая Любовь и Наканунѣ. Его Елена готова упасть въ обморокъ при видѣ всякой птички страдающей и пожертвовать жизнію за муху, чтобы спасти ее отъ паука, но вовсе равнодушна къ своему отцу и къ своей матери, подъ тѣмъ предлогомъ, что первый своимъ поведеніемъ, вторая своею апатіей не заслужили любви дочерней, какъ будто бы любовь дочери должна быть наградою родителямъ за ихъ нравственныя качества, какъ будто бы это не есть чистый огонь души, зажигаемый въ сердцѣ женщины свѣтомъ любви божественной, безъ всякихъ разсчетовъ и корысти. Такъ непонята природа женская писателемъ, который задумалъ преобразовать ее въ своемъ отечествѣ, такъ искаженъ у него законъ природы, и ничѣмъ столько не грѣшитъ новая преобразующая повѣсть какъ неестественностью. Она стоитъ на ходуляхъ. Елена, не во гнѣвъ нашимъ критикамъ, похожа на выставленную куклу Кузнецкаго моста, а не на существо чисто-женское.

Таковъ вездѣ страстный преобразователь. Онъ прежде всего нарушаетъ законъ природы. Онъ одинаковъ у насъ и въ инженерномъ искусствѣ, и въ Русской повѣсти, которая стоитъ головоломной Одиссеи Брестъ-Литовскаго шоссе. Не по городамъ, селамъ и деревнямъ проводитъ онъ путь, слѣдуя указаніямъ народной жизни, располагавшей свои сёлитьбы согласно съ удобствами мѣстной природы; нѣтъ, онъ проводитъ его по болотамъ, по лягушачьимъ царствамъ, нарушая безпрерывно законъ естества, покоряясь не природѣ и нуждамъ человѣка, съ нею согласнымъ, а дѣйствуя совершенно имъ на перекоръ, поодаль отъ людей и разъединяя ихъ своимъ отвлеченнымъ искусствомъ.

Но нарушеніе законовъ природы никогда не обходится даромъ человѣку и не остается безъ заслуженнаго наказанія. Это доказываетъ и Брестъ-Литовское шоссе. Починкамъ его конца нѣтъ, и одинъ Богъ вѣдаетъ, чего они стоятъ и чего будутъ еще стоить государству. По пагубной страсти, господствующей у насъ, чинить дороги осенью, бѣдные путешественники бываютъ жертвою этихъ починокъ. Верстъ на пять, а иногда и болѣе, пролагаются объѣзды по грязи, по водѣ, по канавамъ. Избави васъ Боже отправляться по нимъ въ темную осеннюю ночь. Немудрено пролежать въ канавѣ нѣсколько часовъ.

На станціи Любенцахъ намъ въ первый и единственный разъ по всей дорогѣ отказали въ лошадяхъ. Причиною былъ дилижансъ, котораго ждали изъ Варшавы и который запоздалъ цѣлыми сутками. Онъ, выѣхавъ въ Пятницу, долженъ былъ вечеромъ въ Воскресенье проѣхать черезъ станцію Любенцы, а вмѣсто того въ 12-мъ часу утра въ Понедѣльникъ его еще не было. Сторожа и извощики предполагали, что онъ гдѣ нибудь ночью нѣсколько часовъ пролежалъ въ канавѣ. Хороша перспектива для путешественниковъ, которые, выѣз-

жая изъ Россіи черезъ Польшу, ввѣрялись этимъ несчастнымъ дилижансамъ. Какъ благословлялъ я счастливую мысль ѣхать въ своемъ собственномъ экипажѣ и не ввѣрять себя съ семействомъ такой злополучной участи. Случалось, что съ ближайшихъ станцій высылали лошадей и людей съ фонарями на помощь опрокинутымъ каретамъ и дилижансамъ.

На объѣздахъ припрягаютъ вамъ лишнюю пару лошадей, обязывая васъ платить за нее; а если не хотите, не припрягутъ, но вы за то просидите въ какой нибудь вымоинѣ и поплатитесь гораздо хуже. При починкѣ шоссе есть еще преварварскій обычай усыпать его свѣжею щебенкой такъ высоко, что лошади экипажа стащить не могутъ. Вмѣсто того, чтобы укатать щебенку катками, предоставляютъ укатывать ее колесамъ вашего экипажа. Но для этой многотрудной операціи, которая можетъ служить отличнымъ пробнымъ камнемъ для шинъ и колесъ, необходимо заложить вамъ лишнихъ лошадей и заплатить за нихъ. Иначе вы можете также завязнуть на щебенкѣ, какъ въ вымоинѣ, и принуждены будете съ середины дороги посылать за лошадьми, что̀ кромѣ непріятностей будетъ вамъ стоить вдвое дороже. На одной станціи запрягли намъ восемь лошадей въ легкую коляску, ровно вдвое противъ числа, которымъ везли насъ обыкновенно, и мы благодарили еще станціоннаго смотрителя за полезный совѣтъ, безъ котораго пришлось бы намъ очень плохо на щебенкѣ, этомъ щедромъ дарѣ господъ инженеровъ, чинившихъ дорогу.

А между тѣмъ за шоссе вы заплатили деньги отъ Москвы до Брестъ-Литовска, и ни на одной шоссейной заставѣ вамъ не возвратили денегъ ни за объѣзды, ни за щебенку, за которые, конечно, не слѣдовало бы платить; вездѣ, напротивъ, строго требовали Московскаго ярлыка, какъ будто бы подъ вами дѣйствительно катилось одно сплошное безпорочное шоссе! А что ужъ говорить о убыткахъ, о двойныхъ прогонахъ, о порчѣ экипажа, въ которые васъ оно вводило, объ опасностяхъ, какимъ вы подвергались въ теченіи дороги! Упоминая о сихъ послѣднихъ, нельзя не передать одного сильнаго ощущенія подъ Рогачевымъ. Мы подъѣзжали къ Днѣпру; на всемъ побережьи Днѣпровскомъ накинуто множество мостовъ. Каково же ощущеніе ѣхать по нимъ въ темный осенній вечеръ и слышать, какъ мосты накинутые рукою смѣлыхъ инженеровъ по болотамъ приднѣпровскимъ, такъ и трещатъ подъ вами. Съ нами сила крестная! Вотъ одно спасеніе.

Почтовыя гостинницы, построенныя на каждой станціи, предлагаютъ единственное убѣжище для путниковъ, которые боятся подвергать жизнь свою опасностямъ ночнаго пути. У каждой изъ нихъ по два дерева, какъ безсмѣнные часовые, стоятъ при входѣ. Даже и растительное царство подвергается у насъ необходимой участи стоять на часахъ. Гостинницы раздѣляются на три разряда. Къ первому относятся тѣ, въ которыхъ есть царскія комнаты, для всѣхъ запертыя, кромѣ господъ инженеровъ, и трактиръ со столомъ и виномъ; ко второму гостинницы со столомъ и виномъ, но безъ царскихъ комнатъ; къ третьему гостинницы съ самоваромъ. Всѣ онѣ строены по одному плану. Постояли въ одной изъ гостинницъ какого нибудь разряда, узнали и всѣ. Тюфяковъ и матрасовъ не найдете ни въ одной, за исключеніемъ одного Рославля, а во всѣхъ другихъ довольствуйтесь жесткими диванами или сѣномъ. Чтобы, кажется, сдѣлать сплошные диваны Турецкіе съ подушками? Они бы обошлись дешевле

и были бы мягче и спокойнѣе для членовъ путника, особенно утомленнаго щебенкой, объѣздами и пріятностями трескучихъ мостовъ. Нѣтъ, вездѣ диваны дубовые, съ высокими спинками, обитые какою-то жесткою щетиной, которая вся выбилась и врѣзается въ ваше тѣло. А для чего эти огромныя зеркала, почти въ каждой комнатѣ? Кто въ нихъ смотрится? По обычаю чинить и красить все въ глубокую осень, случалось иногда, что вамъ не отводятъ покойныхъ комнатъ, потому что въ нихъ идетъ починка и все воняетъ свѣжей краской, которая осенью нескоро сохнетъ. Встрѣчались иногда и комнаты въ Октябрѣ нетопленыя, потому что содержатель гостинницы не запасся еще дровами, находя, что они слишкомъ дороги.

Но спасибо, по крайней мѣрѣ, гостинницамъ за ихъ хлѣбъ-соль. По Брестъ-Литовскому шоссе не умрешь съ голоду и вездѣ найдешь здоровую и вкусную пищу.

А всего лучше смотрители! Они мирятъ васъ со всѣми неудобствами дороги и внушаютъ вамъ вѣру въ успѣхъ нравственной природы Русскаго человѣка, когда онъ гражданскимъ обществомъ поставленъ въ благородное и независимое положеніе. Прежній смотритель, взяточникъ, лгунъ, прижимала, низкій передъ важнымъ чиномъ и дерзкій со всякимъ другимъ, покажется вамъ какимъ-то непостижимымъ, допотопнымъ существомъ, когда вы познакомитесь съ теперешними смотрителями Брестъ-Литовскаго шоссе, начиная съ перваго изъ нихъ, г. Малинина, на Бирюлевской станціи, воспитанника Московской семинаріи. Они вѣжливы, предупредительны, одинаково благородны со всѣми; не подумайте дать имъ денегъ: вы ихъ тѣмъ оскорбите.

Не могу не передать одного случая. Переѣхавъ по Днѣпру на паромѣ, мы поздно пріѣхали въ Рогачевъ. Всѣ мѣста въ почтовой гостинницѣ были уже заняты. Ѣхать въ темную ночь далѣе по объѣздамъ и по трескучимъ мостамъ, которые ожидали насъ впереди, было небезопасно; но провести ночь негдѣ. Положеніе пренепріятное. Съ живѣйшимъ участіемъ вошелъ въ него г. смотритель Рогачевской станціи, В. П. Ястршемскій. Онъ употребилъ всѣ средства отъ него зависѣвшія, чтобы дать намъ ночной пріютъ: пригласилъ двухъ молодыхъ людей, которые прежде насъ заняли двѣ комнаты въ почтовой гостинницѣ, уступить намъ ихъ и помѣстилъ ихъ у себя, стѣснивъ тѣмъ и себя, и свое семейство. Мы обязаны были ему спокойствіемъ ночи и безопасностію пути, который благополучно совершили при свѣтѣ дня. Такія услуги не забываются. Ихъ умѣетъ цѣнить особенно семейный путникъ и отвѣчаетъ на нихъ благодарнымъ воспоминаніемъ отъ такой же души, отъ какой предложена была услуга.

Имена почтовыхъ станцій иногда заимствованы отъ ближнихъ селеній, а иногда принадлежатъ фантазіи господъ инженеровъ, строившихъ дорогу: таковы, напримѣръ, Шумовка и Звенчатка. О чемъ шумятъ и звенятъ онѣ? Страсть противорѣчить всему прежнему заставляла инженеровъ въ городахъ откидывать почтовыя станціи на большое отъ нихъ разстояніе. Это влечетъ за собою, разумѣется, большія неудобства. Вамъ нужно починить винтъ, поднять экипажъ, посылайте за кузнецами въ городъ; хотите купить что нибудь, запастись хлѣбомъ, бутылкой вина въ дорогу, отправить письмо—посылайте въ городъ. Сторожамъ гостинницъ письмо не всегда можно ввѣрить. Въ Рославлѣ служитъ сторожемъ плѣнный крещеный Турокъ. Я

сначала, по его Русскому языку, никакъ не могъ узнать, какой онъ націи? Жидъ не Жидъ, Нѣмецъ не Нѣмецъ, Цыганъ не Цыганъ. Оказалось, что это Турокъ; въ прошлую войну въ плѣнъ попалъ, крестился и женился на Русской.—Ну что, хорошо ли въ Россіи? спросилъ я его. Ничего, слава Богу! отвѣчалъ онъ. А писемъ, ему отданныхъ, на почту не отнесъ крещенный Турокъ, не знаю уже въ силу какой вѣры, прежней или новой, которую принялъ.

Отдаленіе станцій отъ деревень ведетъ также къ большимъ неудобствамъ. Ѣхалъ одинъ подполковникъ въ Варшаву въ маленькой, парной кибиточкѣ, которую дешево купилъ по дорогѣ; сломалось у него колесо; за двѣ версты надобно было везти колесо для починки, да и кузнецъ, безъ конкуренціи, заломилъ за починку въ три-дорога.

Бѣда съ мелочью по всей дорогѣ. Я не испыталъ ея, потому что запасся мелкими деньгами, хотя и съ большимъ трудомъ, въ Москвѣ; могъ даже осчастливить одного спутника, размѣнявъ ему рублевую ассигнацію на мѣдныя копѣйки. Жиды-корчмари дерутъ по двугривенному съ рубля за промѣнъ, да и то еще радъ проѣзжающій, какъ и за двугривенный размѣняютъ; а не то и вовсе нѣтъ мелкихъ. Смотрители даютъ сдачи ярлыками, прося въ нихъ своихъ товарищей на слѣдующихъ станціяхъ принимать ихъ за ходячую между ними ассигнацію.

Изо всѣхъ городовъ по дорогѣ только Малоярославецъ да Слуцкъ, славящійся своею гимназіею, похожи на города. Слуцкъ былъ бы еще красивѣе, еслибы глубокая грязь не мѣшала тому. Жиды своею навязчивостью становятся здѣсь несносны; Жидъ проситъ за все, и за то что вошелъ въ комнату, поговорилъ съ вами и далъ совѣтъ, по его мнѣнію, полезный.

Еще двѣ крѣпости поразятъ васъ на дорогѣ: Бобруйскъ, величаво и грозно поднявшійся на берегу Березины, и Брестъ Литовскій на берегу Буга. Это двѣ фортификаціонныя поэмы, чрезвычайно сложныя и неприступныя. Чтобы взять ихъ, надобно истратить безчисленное войско и столько же убить лѣтъ на осаду ихъ, сколько Греки убили на Трою; но вотъ почему, конечно, никакой завоеватель никогда не будетъ брать ихъ, и не дождаться имъ своего Гомера.

Въ Брестской крѣпости строится великолѣпный мостъ новой архитектуры; ея стиль подражаетъ стройнымъ пирамидальнымъ тополямъ, украшающимъ здѣшнюю растительность.

Въ Варшавѣ должны были съѣхаться многіе принцы. Въ Брестѣ я распрашивалъ: что̀ слышно, много ли ихъ съѣхалось, и не слишкомъ ли заняты гостинницы?—«О Нѣмецкихъ принцахъ не заботьтесь», отвѣчали мнѣ простые люди. «Ихъ съѣдется, говорятъ, 30 душъ. Гостинницъ они не займутъ, а всѣ помѣстятся въ Лазенкахъ на Русскій счетъ, сколько бы ихъ ни было. Про всѣхъ готовы и комнаты, и кухни, и всѣ припасы».

Огромные тополи разныхъ родовъ, переселенцы изъ дальнихъ странъ, еще зеленые, еще не обронившіе своихъ листьевъ, покрывали Варшавское шоссе своею тѣнью. Бѣлая и розовая акація густою зеленью убирала входы и окна почтовой станціи. Другая природа зачиналась здѣсь, и замѣтно было больше заботы о томъ, чтобы сдѣлать ее еще прекраснѣе, чѣмъ она есть, и переселить сюда растенія, какихъ здѣшняя сама не производитъ. Крестьяне убирали

картофель съ полей. Мѣстами курилось курево—одинъ изъ способовъ здѣшняго удобренія земли. Нивы были вспаханы не по нашему бороздами, а словно грядами, для стока воды, чего, конечно, требуетъ глинистая почва. День былъ ясный и теплый. Лучи западнаго грѣющаго солнца обдавали чѣмъ-то живымъ и веселымъ.

Много измѣнилось Варшавское шоссе спустя 20 лѣтъ, какъ я не проѣзжалъ по немъ. Въ 1840 году оно, казалось, высоко пролегало надъ Польскою землею, и путешественникъ видѣлъ только одно превосходное шоссе, нисколько не замѣчая самой Польши. Теперь уже совсѣмъ другое. Шоссе какъ будто бы опустилось, и поднялась земля. Кустарникъ, лежавшій низко, выросъ лѣсомъ и пріятно осѣнилъ дорогу. Мѣстечки и городки обстроились, поднялись, ожили.

Но вотъ объ чемъ пожалѣешь. Куда дѣвались красивые Польскіе почтари, ловко одѣтые, съ ихъ рожками и кларнетами, съ прелестною музыкою, которою они услаждали вамъ дорогу? Ихъ ужъ нѣтъ. Намѣсто ихъ васъ везутъ мальчики, довольно неловкіе, одѣтые неопрятно, въ плащахъ съ откиднымъ воротникомъ, съ рожкомъ за плечами, но уже безъ всякаго искусства играть на немъ. Вся музыкальная поэзія прежней почтовой ѣзды по Варшавскому шоссе уже не существуетъ. А между тѣмъ гражданское положеніе почтовыхъ извощиковъ Польши, какъ слышно, улучшилось. Имъ даютъ пенсію по окончаніи 25 лѣтъ безпорочной службы, считая и ночи этой службы за дни, слѣдовательно черезъ 12 съ половиною лѣтъ. Но за то они начинаютъ службу свою мальчиками, еще нисколько негодными въ извощики, и человѣколюбивое постановленіе, какъ видно, нечуждо злоупотребленій.

У Варшавской заставы отбираютъ у васъ паспортъ, чтобы возвратить вамъ его черезъ полицію. На мосту живомъ черезъ Вислу экипажи всякаго рода и фуры тѣснятся такъ у въѣзда на мостъ, что трудно бываетъ разъѣхаться. Мѣстная полиція даетъ преимущество фурамъ передъ экипажами, которые везетъ почта.

Варшава такъ измѣнилась къ лучшему въ теченіи 20-ти лѣтъ, что ее узнать нельзя. Широта улицъ, изящная архитектура домовъ, великолѣпіе гостинницъ, блескъ и роскошь магазиновъ—все поразительно и свидѣтельствуетъ въ пользу ея торговли и промышленности. Изъ магазиновъ особенно поражаетъ разнообразіемъ товаровъ магазинъ Лессера. Вечеромъ сто газовыхъ лампъ его освѣщаютъ. Онъ ведетъ торговлю со всѣми странами міра: Западная Европа, Азія, Америка доставляютъ ему свои товары. У насъ въ Москвѣ нѣтъ ничего подобнаго.

Черезъ Вислу строится новый мостъ. Строитель инженеръ Кербедзъ. Это будетъ чудо новаго строительнаго искусства. Закладка его происходила 9-го Октября. Свѣтлый солнечный день освѣщалъ многочисленное стеченіе народа.

Прекрасная опера привлекаетъ общество въ Варшавскій театръ и народнымъ характеромъ музыки, и звучными голосами тенора Каминскаго, пѣвицъ Грущинской и Ходовецкой, и забавною игрою комика Жолковскаго. Давали оперу Графиня (Hrabina): слова Вольскаго, а музыка извѣстнаго Польскаго композитора, Станислава Монюшки.

Борьба народнаго Польскаго элемента съ свѣтскимъ Французскимъ давно уже одушевила Польскую драму, и вносителемъ этой идеи, основанной на историческихъ данныхъ, сколько мнѣ кажется, былъ

славный Польскій драматургъ, Корженевскій. Его извѣстная комедія: Усы и Парикъ, есть самое блестящее и живое олицетвореніе этой мысли. Я хотѣлъ изъявить личное мое уваженіе славному ветерану Польской драмы, О. В. Корженевскому. А. Г. Плеве ввелъ меня къ нему. Тонкія черты глубокаго наблюдателя нравовъ поражаютъ съ перваго раза въ его физіономіи. Въ разговорѣ со мною онъ вспомнилъ о князѣ Шаховскомъ. Отдавая всю справедливость блестящему сценическому таланту нашего плодовитаго драматурга, онъ справедливо замѣтилъ, что Шаховской много повредилъ себѣ Французскимъ вліяніемъ, которому слишкомъ покорился. Недуги старости заставили Корженевскаго положить навсегда перо драматурга. Послѣднія комедіи его: Сплетникъ и Пустыня, писаны стихами.

Я отъискалъ нашего великаго Славянскаго правовѣда, Мацѣевскаго, въ его ученомъ уединеніи. Время на него не дѣйствуетъ, и онъ по прежнему дѣятеленъ. Исторія Славянскихъ законодательствъ выходитъ вторымъ изданіемъ. 1-й, 2-й, 3-й и 6-й томы уже вышли; 4-й печатается, за нимъ послѣдуетъ пятый. Его изслѣдованія о Тацитовыхъ Свеонахъ, въ которыхъ онъ видитъ Славянъ, въ послѣднее время нашли сильную опору въ мнѣніяхъ Якова Гримма, ученыхъ Нѣмцевъ Штоббе и Клемма, Дрезденскаго археолога. Въ пергаменной рукописи VI вѣка, содержащей Греческое сочиненіе Діоскорида, писателя, современнаго Августу, Мацѣевскій нашелъ 40 ботаническихъ названій, обличающихъ Славянское происхожденіе. Свѣжесть и бодрость блистаютъ на лицѣ нашего славнаго ученаго дѣятеля.

Я возобновилъ, послѣ долгой разлуки, дружескія связи, которыя соединяли меня съ А. Г. Плеве и И. И. Паплонскимъ, бывшими моими студентами. Время не изгладило меня изъ ихъ благородной памяти. Они привѣтствовали меня добрымъ словомъ въ Варшавскомъ «Курьерѣ». Въ ихъ бесѣдѣ, въ ихъ вниманіи, въ радушныхъ заботахъ обо мнѣ и моемъ семействѣ, я нашелъ много отрады сердцу.

А. Г. Плеве повелъ меня въ школу живописи, которою управляетъ тоже старый знакомый по Риму, профессоръ Кс. Каневскій. Здѣсь я увидѣлъ вновь прекрасную его копію съ одного изъ погибающихъ фресковъ Рафаэля въ залахъ Ватикана: Атилла, пораженный воздушнымъ явленіемъ Апостоловъ Петра и Павла. Эта копія будетъ всегда вѣрно напоминать объ оригиналѣ, котораго сильно коснулась уже рука времени. Въ натурномъ классѣ я замѣтилъ рисунокъ ученика Дерковскаго, который обѣщаетъ дарованіе.

Лучшіе плоды этой школы показалъ мнѣ мой просвѣщенный вожатай на художественной выставкѣ, которая познакомила меня съ развитіемъ живописи въ Польшѣ. Двѣ картины особенно поражали вниманіе зрителя и возбудили сильное участіе въ Корженевскомъ, который мнѣ говорилъ объ нихъ. Первая принадлежитъ художнику Зимлеру. Она изображаетъ смерть королевы Варвары и заказана родомъ Радзивиловъ, къ которымъ королева принадлежала. Фигура умирающей поразительна, но не безъ недостатковъ, когда въ нее всмотришься. Руки уже умерли, но голова принадлежитъ не умирающей, а спящей, какъ справедливо замѣчали критики. Умирающіе не опускаютъ головы на бокъ, какъ спящіе, а лежатъ прямо, чтобы схватить послѣднюю дань воздуха передъ смертію. Но фигура короля Сигизмунда, убитаго горемъ и сидящаго на одрѣ умирающей, превосходна и стилемъ своимъ напоминаетъ много кисть Дюссельдорфскаго живописца, Лессинга.

Другая картина дышетъ живою народною стихіею и принадлежитъ Лёфлеру. Во Львовѣ семейство Поляковъ смотритъ на развалины жилищъ своихъ послѣ Татарскаго разгрома. Что за лица! Что за жизнь въ нихъ! Какіе типы народные! Старикъ и возлѣ него ребенокъ; при нихъ собака, сочувствующая ихъ грусти; юноша, соскочившій съ лошади и рвущій на себѣ волосы съ отчаянія; женщины, находящія одно прибѣжище въ горѣ—молитву! Чѣмъ взяла эта картина? Чѣмъ говоритъ она сильно душѣ? Можетъ быть, въ ней есть и недостатки, какъ напримѣръ неестественный по ширинѣ шагъ старика, замѣченный знатокомъ, критикомъ. Но она взяла народною стихіею, какъ теперь беретъ и все искусство. Безъ жизни народа нѣтъ идеи, нѣтъ силы, нѣтъ души. Таковъ вѣкъ, таковы сильнѣйшія его явленія, поражающія современное человѣчество.

Портретъ Каневскаго, директора школы, писанный имъ самимъ, поразителенъ сходствомъ и мастерствомъ кисти. Замѣчателенъ своею дѣятельностію и множествомъ даровитыхъ произведеній художникъ, уже давно пользующійся заслуженною славою, Суходольскій. Его переходъ черезъ Березину отличается изобиліемъ группъ значительныхъ: картина оживленная! Фарисъ изъ Мицкевича, его же, блещетъ смѣлостью кисти и огнемъ чудеснаго колорита. Видъ на берегу озера Гардскаго показываетъ все разнообразіе кисти даровитаго художника.

Апоѳеоза Мицкевича, Теппа, какъ замѣчали, была удачнѣе въ рисункѣ, нежели въ картинѣ. Трупъ славнаго поэта несомъ воздушно разными лицами изъ его поэтическихъ произведеній, на спинѣ у плачущей Музы. Странная мысль! Поэта, никогда не умирающаго, живущаго безсмертною жизнію въ устахъ и въ душѣ своего народа, изобразить трупомъ! Лицо, по всему вѣроятію, срисовано съ маски, снятой съ мертваго. Носъ и профиль нисколько не напоминаютъ Мицкевича, но уста поэта имѣютъ поразительное сходство, сколько я ихъ помню.

Выставка художественная Варшавы приноситъ честь ея художникамъ. Видно, что живопись цвѣтетъ на берегахъ Вислы и что племена Славянскія идутъ быстро и въ музыкѣ, и въ искусствахъ образованныхъ въ слѣдъ западнымъ своимъ учителямъ.

Послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ въ Варшавѣ была волшебная иллюминація въ Лазенкахъ. Я не видалъ ничего ей подобнаго. Огромныя перистили, акрады и шпалеры изъ огней вели къ озерамъ, окаймленнымъ также разноцвѣтными огнями. Острова въ видѣ радужныхъ купъ поднимались изъ водъ освѣщеннаго озера и отражаясь опрокидывались въ нихъ. Лебеди, пробужденные необычайнымъ свѣтомъ и шумомъ, въ испугѣ плавали въ разныя стороны. Собіесскій на мосту пылалъ огнями. Остряки говорили, что славный защитникъ Вѣны не даромъ являлся въ такомъ великолѣпномъ освѣщеніи.

Но иллюминація, какъ бы ни была хороша, всегда подъ конецъ утомляетъ, потому что, ослѣпивъ глаза, не насытитъ души. Таково и всякое пышное зрѣлище. Это все одинъ и тотъ же парадъ, только выраженный огнями.

Нѣсколько разъ любовался я бронзовымъ памятникомъ Копернику, который Поляки воздвигли своему славному собрату, измѣрившему звѣздное небо смѣлою мыслію. Превосходное произведеніе Торвальдсена! Великая, но спокойная мысль блещетъ на челѣ ученаго, со-

зерцающаго небо; глобусъ и циркуль въ рукахъ знаменуютъ великое дѣло его на землѣ.

*

Огромнѣйшій вагонъ съ хвостомъ нескончаемымъ принялъ насъ въ свои объятія и повезъ въ Вѣну. Хвостъ его по дорогѣ все росъ болѣе и болѣе и выходилъ далеко изъ подмостокъ дебаркадера такъ, что надобно было карабкаться въ его двери, словно на пароходъ. Полный Австрійскій кондукторъ довольно грубо принималъ новыхъ гостей и мало заботился о ихъ размѣщеніи. Вагоны совсѣмъ не такъ спокойны и удобны какъ Польскіе.

Ночью сосѣдство шумной компаніи Австрійскихъ офицеровъ было вовсе некстати для пассажировъ, желавшихъ покоя. Смѣхъ и грубыя шутки тревожили сонъ и возмущали чувство приличія. Судя по нѣкоторымъ словамъ замѣтно было, что Австрійскіе офицеры водились и съ Русскими солдатами, но выучились у нихъ не тому что̀ надобно. Все матеріальное воспитаніе Австрійскаго воина такъ и отзывалось всякою грубостію отъ этой пылкой офицерской ватаги, наполнявшей сосѣднее отдѣленіе. Никакого чувства приличія, ни благороднаго стыда, ни вниманія къ своимъ сосѣдямъ: безобразно до дикости! Въ шесть часовъ утра мы пріѣхали въ Вѣну. Чиновники городской таможни вздумали было опять придираться къ тѣмъ мѣшкамъ съ которыхъ слетѣли Австрійскіе орлы Щаковской таможни; имъ хотѣлось взять взятку, но не удалось. Австрійскій чиновникъ также привязчивъ какъ пограничный Жидъ, съ тою притомъ еще разницею, что онъ грубѣе.

14-го Октября, въ Вѣнѣ, мнѣ суждено было услышать горькую вѣсть о кончинѣ А. С. Хомякова. Ее передалъ мнѣ нашъ священникъ М. Ѳ. Раевскій, предполагая, что я уже все знаю, и поразилъ меня ею, какъ громомъ. На другой день онъ служилъ для насъ заупокойную обѣдню и панихиду по незамѣнимомъ покойникѣ. Это было въ Субботу, 15-го Октября, въ тотъ самый день, какъ Московскіе друзья и почитатели Хомякова хоронили его въ Даниловѣ монастырѣ. О какъ было горько и тошно принять на чужбинѣ такую ужасную вѣсть!

Вотъ то, что я прежде сказалъ уже о Хомяковѣ, какъ поэтѣ, въ Исторіи Русской Словесности, написанной на Итальянскомъ языкѣ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ и другомъ Рубини. «Изо всѣхъ поэтовъ живущихъ въ Россіи, Хомяковъ, другъ и сверстникъ Веневитинова, сохранилъ въ наибольшемъ совершенствѣ искусство лирическаго стиха, завѣщаннаго Русской поэзіи Пушкинымъ и Языковымъ. Хомяковъ сберегъ тайну его поэтической красоты въ ея неприкосновенной цѣлости. Писатели Русскіе умѣли признать въ немъ эту заслугу и единогласно избрали его въ 1858 году предсѣдателемъ возобновленнаго въ Москвѣ Общества Любителей Россійской Словесности. Прекрасны его стихотворенія, внушенныя ему вѣрою и отечествомъ. Хомяковъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ лириковъ, которые любятъ воспѣвать свои личныя чувства, или туманно оплакивать разочарованіе своей жизни. Всегда возвышенная идея одушевляетъ лиру Хомякова, и когда онъ ея касается, то кажется жрецомъ входящимъ въ святилище, или прорицателемъ, который для народа своего снимаетъ покровъ съ его будущаго. Поэзія для Хомякова была не простымъ искусствомъ, но посланіемъ свыше, дѣйствіемъ вѣры, долгомъ

жизни. Человѣкъ энциклопедическій, онъ не довольствуется поэзіею, но занимается многими науками и языками, владѣя на письмѣ Англійскимъ и Французскимъ какъ своимъ собственнымъ. Въ мірѣ Европейскомъ онъ извѣстенъ произведеніями богословской полемики, писанными по-французски и переведенными на Нѣмецкій языкъ. Хомяковъ стоитъ въ главѣ того движенія, которое у насъ въ наукѣ и словесности извѣстно подъ именемъ Славянскаго».

Святыя, пророчественныя думы о Россіи, о томъ, что она хранитъ въ себѣ завѣтнаго и лучшаго, ни въ чемъ такъ не выражены, какъ въ его стихотвореніи: «Ключъ».

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ:
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.
Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ;
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите, мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Мысль, здѣсь выраженная, есть истина, въ которой заключено все великое будущее Россіи. Это пророческое видѣніе души чистой и высокой, неизмѣнно любившей свое отечество и вѣровавшей въ его святое назначеніе. Когда вникаешь во всю духовную силу этого стихотворенія, тогда при мысли о смерти поэта, будутъ особенно поразительны двѣ другія строфы изъ его «Сна»:

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли;
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли
Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ.
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ...

Хомяковъ принадлежитъ не одной Русской поэзіи, но и Русской наукѣ. Онъ стоитъ въ той эпохѣ нашей жизни, когда поэзія начала уже уступать мѣсто наукѣ, и чувство истины, замѣняя чувство красоты, вызывало насъ въ міръ знанія. Хомяковъ, какъ поэтъ по призванію, былъ особенно богатъ въ наукѣ такими мыслями, которыя, такъ сказать, творятся и составляютъ первоначальный синтезъ науки, образуя въ ней первый проблескъ, общее предшествующее воззрѣніе. Объ немъ можно было тоже сказать, что Гейне сказалъ о Ж. П. Рихтерѣ: «онъ даетъ вамъ сѣмена кедровъ, дубовъ, сосенъ, вообще деревьевъ огромныхъ; только развивайте ихъ». Таковъ былъ и Хомяковъ. Онъ оживлялъ всѣхъ его окружавшихъ своею неистощимою мыслію, которая касалась всѣхъ вопросовъ жизни.

При несчастномъ устройствѣ нашего общества и нашей литературы, не уважающихъ ни одной замѣчательной личности, Хомяковъ проходилъ для насъ почти даромъ. Духомъ своимъ, мыслію и словомъ онъ существовалъ для немногихъ. Когда голосъ избранныхъ призвалъ его на мѣсто предсѣдателя Общества Любителей Р. Словесности, и тутъ нашлись такіе изъ литературной нашей черни, которые стали бросать въ него комьями своей грязи и брали его на прокатъ для карикатуръ своихъ; потому что надобно же было имъ взять кого нибудь позначительнѣе и побезопаснѣе, а то вѣдь другихъ пожалуй и взяли бы, да нельзя безъ оглядки—товарищи отомстятъ. Оно и благородно, и великодушно. Можно ли отъ такихъ людей ожидать хоть малѣйшей искры живаго огня и свѣта? Это мнимыя искры гнилушекъ, или блудящій огонь болота, свѣтящій только бѣсамъ и вѣдьмамъ на литературномъ шабашѣ нашей журналистики.

Грусть наполняла душу. Сѣрое небо Вѣны и горные туманы, покрывавшіе всю атмосферу, еще болѣе ее умножали. Отрадно было увидѣть братьевъ Славянъ на вечерѣ у К. С. и И. С. Аксаковыхъ [25]). Они вѣрнѣе Славянской мысли и дѣлу, чѣмъ мы Русскіе. Нѣмецкія цѣпи на ихъ рукахъ плодотворнѣе дѣйствуютъ на ихъ народное чувство, чѣмъ наша государственная самостоятельность.

При грустномъ настроеніи души кстати было взглянуть на надгробный памятникъ эрцгерцогинѣ Христинѣ, воздвигнутый Кановою. Какъ здѣсь во всякой чертѣ лица, во всякомъ движеніи тѣла, во всякой складкѣ платья, выражена грусть души! Искусство прекрасной формы, кажется, тутъ дошло до крайняго предѣла своего выраженія и покорило бездушный мраморъ самому живому чувству скорби.

Ни въ чемъ такъ не обозначился весь матеріализмъ Вѣнской жизни, какъ въ нескончаемомъ множествѣ ея магазиновъ. Весь такъ называ-

---

[25]) Изъ Вѣны доктора послали К. С. Аксакова на островъ Зантъ, гдѣ онъ и кончилъ чистую, высокую жизнь свою 7 Декабря того же 1860 года.

емый городъ (Stadt) есть одинъ безконечный магазинъ, простирающійся даже и на предмѣстія. Какъ совершенно потонулъ въ этомъ матеріализмѣ соборъ Св. Стефана, этотъ превосходный памятникъ готическаго зодчества! Его такъ осадила со всѣхъ сторонъ мелочная торговля моды и праздной роскоши, что въ ней почти исчезаетъ великая мысль строителя, олицетворенная въ храмѣ. Пошлость жизни мертвитъ и религію, и искусство, ею вдохновенное.

Странныя явленія поражаютъ въ Вѣнѣ путешественника, ее наблюдающаго. Памятники государямъ Австрійскимъ возвдигнуты по большой части не на народныхъ площадяхъ, а во внутреннихъ дворахъ императорскаго дворца. Это памятники не государственные и всенародные, а придворные и домашніе. Въ церкви Августинскаго ордена показываютъ сквозь щелочку сердца всѣхъ государей Австрійскихъ въ особенныхъ сосудахъ, и женщина, ихъ показывающая, замѣчаетъ притомъ, что сердце Маріи Терезы есть самое большое, разумѣется, по урнѣ, въ которую вложено. Нашъ чичероне хотѣлъ непремѣнно показать намъ императорскій дворецъ и употребилъ для того всевозможныя хитрости. Надобно было дожидаться цѣлыхъ три четверти часа, пока отворились двери. И то я еще попросилъ одного Австрійскаго офицера ускорить эту церемонію. Смотритель дворца, получающій доходъ съ этого показыванья, вводя посѣтителей въ каждую комнату, останавливается важно по серединѣ и повторяетъ однажды навсегда затверженный урокъ точно такимъ же тономъ, какимъ у насъ Нижегородскіе крестьяне показываютъ ученыхъ медвѣдей. Гобелены, покрывающіе стѣны двухъ залъ, изображаютъ битвы Австріи, которая любила завоеванія и пріобрѣтенія. Среди воспоминаній военной славы, соединенной съ человѣкоубійствомъ, ни одного воспоминанія славы мирной, законодательной, просвѣтительной. Колонны главной дворцовой залы сдѣланы изъ фальшиваго мрамора. Es ist aber kein Marmor, замѣтилъ я необыкновенно-гордому своимъ дворцомъ смотрителю. Dast ist Kunstmarmor [26]), возразилъ онъ, сохраняя ненарушимую важность вида и походки и засунувъ обѣ руки въ карманъ нижняго платья.

Поразило меня въ Вѣнскомъ выговорѣ Нѣмецкаго языка употребленіе буквы *o* вмѣсто *a*: Mohl вмѣсто Mahl, Sporkasse вмѣсто Sparkasse. Совершенная противоположность нашему Московскому выговору, который *o* превращаетъ въ *a*. Видно ужъ такъ во всемъ намъ суждено противорѣчить Австрійцамъ и не любить ихъ даже въ звукахъ ихъ голоса, враждебныхъ нашему уху.

Конституція, данная императоромъ Австрійскимъ передъ отъѣздомъ въ Варшаву, обозначилась въ Вѣнѣ свободою паспортовъ отъ надзора и штемпеля Вѣнской полиціи. Но эта свобода не простерлась однако до границы Австрійской и нисколько не коснулась Венеціи.

Прислушиваясь къ говору и мнѣнію народному, я замѣтилъ, что Австрійцы нисколько не стоятъ за Венецію и готовы бы были выгодно продать ее за хорошія деньги, лишь бы только избѣжать войны гибельной и разорительной для народа и государства. Венеція давно уже не имѣетъ торговаго значенія, благодаря политикѣ Австріи, которая прежде устроила вольную гавань въ Тріестѣ, чѣмъ въ Венеціи, и тѣмъ подорвала ея торговлю. Венеція есть памятникъ, развалины, благодаря той же дѣятельности Австріи, которая никогда не

[26]) Но это не мраморъ.—Это искусственный мраморъ.

хотѣла или боялась ее поддерживать; памятникъ историческій и художественный, дорогой для Италіи, но для Австріи не имѣющій ровно никакого значенія. Какая же охота превратить Венецію въ вѣчное яблоко раздора между Австріею и соединенною Италіей, которая всѣми силами своей огненной крови и души будетъ выручать свою морскую красавицу и рано или поздно выручитъ ее, во что бы то ни стало! Не лучше ли получить за нее хорошія деньги безъ потери крови съ той и другой стороны? А вѣдь деньги Австріи необходимо нужны.

Теперь Австрійское правительство выдало ассигнацій на 30 милліоновъ гульденовъ для размѣна крупныхъ денегъ на мелкія; бумажки начинаются съ десяти крейцеровъ. Въ Австріи вся и мѣдь пропала. Какъ же тутъ воевать и спасать Венецію? Не лучше ли взять за нее деньги и набить потуже опустѣлый карманъ? Это мнѣніе самого народа въ Австріи, который, конечно, себѣ добра желаетъ. Жаль, если не послушается народнаго мнѣнія правительство и затѣетъ войну кровавую и непримиримую. Успѣху тутъ не быть, потому что образъ мыслей всѣхъ значительныхъ правительствъ и особенно самихъ народовъ, включая и Австрійскій, противъ этой войны.

Я видѣлся съ Миклошичемъ въ Вѣнской библіотекѣ и выразилъ ему лично уваженіе мое за его неистощимое трудолюбіе и дѣятельность, съ какими движетъ онъ свои филологическія изданія. Онъ показалъ мнѣ замѣчательнѣйшія Славянскія рукописи, между которыми древній Октоихъ по языку и письму, и Патерикъ, писанный на Аѳонѣ, особенно заслуживаютъ вниманія. Мы остановились съ славнымъ филологомъ на сербизмахъ языка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Я жаловался Миклошичу, что теперь Славянская филологія, возсоздавъ древнюю граматику Славянскаго языка, подводитъ подъ ея уровень всѣ древнія рукописи въ печатныхъ изданіяхъ и стираетъ всѣ живыя краски разнообразныхъ Славянскихъ нарѣчій, эти драгоцѣнные остатки жизни, оживляющіе мертвую букву рукописей. Такимъ образомъ наука вредитъ жизни и уничтожаетъ ее въ древнихъ памятникахъ; а какъ важно, чтобы она понимала свое къ ней отношеніе въ филологіи и во всѣхъ наукахъ! Знаменитый филологъ совершенно со мною согласился и вторилъ моимъ словамъ, хотя самъ нерѣдко приноситъ живые слѣды Славянскихъ нарѣчій, встрѣчающихся въ рукописяхъ, въ жертву древней, допотопной Слявянской граматикѣ, которая едва ли когда нибудь существовала въ своей отвлеченной цѣлости.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ моимъ въ Вѣнѣ былъ Шенбруннъ. Великолѣпны архитектурные размѣры этого сада. Деревья въ осеннемъ уборѣ еще ярче выставляли свое исполинское величіе. Но никогда великолѣпіе природы не наводило на меня такой безвыходной скуки. Густые облака и туманъ осѣняли все какимъ-то мрачнымъ покровомъ. Даже звѣри, оставшіеся въ звѣринцѣ, бѣлые медвѣди, буйволы, выдры, были печальны и наводили тоску. Въ этотъ самый день императоръ Австрійскій возвратился изъ Варшавы въ Шенбруннскій дворецъ.

*

Дорога изъ Вѣны ведетъ черезъ отроги Норическихъ и Юлійскихъ Альпъ и быстро подымается вверхъ, вертясь улиткой, проходя мосты, смѣло накинутые черезъ бездны шумящихъ потоковъ и пронзая

нѣдра горъ на довольно большомъ разстояніи. Самая высокая вершина горъ, съ которой начинается уже спускъ, Зёммерингъ. Тутъ мы видѣли то малое пространство, на которомъ выстроена станція, а кругомъ туманъ, густо застилавшій бездны и горы. Для темныхъ подземныхъ коридоровъ зажигались въ вагонахъ лампы. Изрѣдка мелькалъ свѣтъ въ отдушинахъ, проведенныхъ для воздуха. Встрѣчали мы въ нихъ и другіе вагоны, ѣхавшіе въ Вѣну. Гулъ удвоивался подъ сводами земли. Виды изъ оконъ вагона по всей дорогѣ чудные на горы, на бездны, на долины, на потоки, на мосты кинутые черезъ нихъ, на стада, на городки, на села, на храмы, на древніе замки, на человѣка, который, кажется, ползетъ муравьемъ въ этихъ горахъ и такъ высокъ своею мыслію, теперь уже въ дѣйствительности уносящею его черезъ горы и бездны, подъ самое небо.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня переѣздъ черезъ Альпы. Лишь только перемахнули мы за вершину Зёммеринга, какъ вдругъ въ одну минуту, разсѣялись густые туманы, растворилось ясное голубое небо, и теплое солнце за-альпійскихъ странъ насъ обдало и обогрѣло своими лучами. Мы уже предвкушали Италію. Но это было не надолго. Скоро послѣ, особенно къ вечеру, новые туманы заволокли небо и землю. Ночью незамѣтно спустились мы въ долины Славянской Италіи, и утро застало насъ въ Набрезинѣ, гдѣ приняли насъ новые вагоны, чтобы везти прямо въ Венецію.

Здѣсь Славянскій и Итальянскій элементы сходятся дружно, но оба гнететъ съ одинаковой силою Австрія. Это замѣтно даже въ именахъ. Итальянцы сохранили Набрезину, Горицы, имя которое и у насъ встрѣчается, но Нѣмцы Пёсницу (вѣроятно такъ названную отъ пѣсенъ, столько любимыхъ Славянскимъ племенемъ) съумѣли превратить въ Пёзницъ.

Отъ Набрезины мы уже увидѣли Адріатическое море. Въ Горицахъ, два племени, Итальянское и Славянское, такъ сходятся, что проповѣдь народу совершается на томъ и на другомъ языкахъ, какъ сказали намъ два духовные спутника, сидѣвшіе въ одномъ съ нами вагонѣ. Отъ Набрезины до Горицъ оба элемента, Славянскій и Итальянскій, виднѣются ясно и въ лицахъ народа. Русый и голубоокій Славянинъ работаетъ на дорогѣ вмѣстѣ съ черноволосымъ и черноглазымъ Итальянцемъ. Рѣчь въ Славянскомъ племени здѣсь Словеньская, которой лексиконъ и граматику издалъ Фрелихъ, переведшій свое имя и послявянски: Веселичъ. Я имѣю его изданія въ своей Московской библіотекѣ [27]).

Почти отъ Местра начинается мостъ черезъ море, ведущій желѣзную дорогу къ Венеціи. Чудное впечатлѣніе! Но, кажется, съ тѣхъ поръ какъ чугунка прошла черезъ море, оно уступаетъ права свои землѣ. Его дно, все покрытое морскими растеніями, видно насквозь изъ оконъ вагона.

Венеція съ куполомъ Св. Марка, съ своими храмами, дворцами, островами, арсеналомъ, дворцомъ дожей, встаетъ передъ вами во всей древней и печальной красѣ своей. Никогда, безъ какого-то сладкаго трепета, нельзя было подъѣзжать къ этому городу, воспѣ-

---

[27]) Превосходная библіотека С. П. Шевырева нынѣ пріобрѣтена Нѣжинскимъ Лицеемъ.

тому столькими славными поэтами и у насъ, и по всему міру! Но теперь, въ это время, и сильная грусть, и великая мысль сливаются въ одно полное созвучіе, когда издали завидишь этотъ городъ.

Умы, сердца, глаза всей Италіи обращены на нее, на эту красавицу моря, на эту вдовицу славныхъ дожей, на мать великихъ художниковъ и писателей. Вмѣстѣ съ Италіею обращены сюда взоры всего мыслящаго и любящаго человѣчества. Что̀, совершится ли великодушная уступка, или нѣтъ? Восторжествуютъ ли когда нибудь разумъ и любовь въ Европейской политикѣ надъ властолюбіемъ, малодушіемъ и завистью? Или кровь человѣчества обагритъ эти воды, и огненный пиръ войны закипитъ вокругъ Венеціи, и бомбы полетятъ въ ея памятники, храмы и картины? О какъ бы Австрія выиграла въ мнѣніи народовъ, если бы согласилась на сдѣлку и отвела бы денежнымъ разсчетомъ нескончаемое человѣкоубійство! Но увы, желанія лучшихъ людей сбываются не иначе, какъ путемъ жертвъ и страданій! О если бы хотя на этотъ разъ сбылось такъ, и исторія могла вписать въ свои скрижали хотя одно истинно-великодушное дѣло политики, какъ достопамятное исключеніе!

Вагоны остановились у дебаркадера. Все пріѣхавшее населеніе хлынуло въ одну дверь и столпилось въ одной передней. Вольная Венеціянская гавань не осматриваетъ вещей при въѣздѣ, но за то содержитъ строгую Австрійскую таможню на людей. Безъ паспорта и безъ личнаго осмотра нельзя войти въ рай окованной Венеціи. Дверь этого рая чрезвычайно узка. У нея стоитъ усатый и сердитый солдатъ, который вмѣсто цѣпи то поднимаетъ руку свою, чтобы немилосердо отодвинуть наступающую толпу, то опускаетъ ее, чтобы дать ей взойти для предъявленія паспорта. Дамы, младенцы, дѣти, люди обоего пола, всякаго званія и всѣхъ возрастовъ, тѣснятся къ желанному входу. Эта сцена напомнила мнѣ что-то въ родѣ сценъ изъ Дантова Ада, особенно Харона, принимающаго души умершихъ въ свою лодку и отталкивающаго излишнихъ, которыхъ не могла бы вмѣстить она. Дантъ, современный намъ, перенесъ бы эту сцену непремѣнно въ свою поэму.

Вотъ наконецъ мы на берегу большаго канала, у траурныхъ гондолъ Венеціи, изъ которыхъ двѣ приняли насъ съ нашими пожитками и повезли въ гостинницу Св. Марка. Но прежде чѣмъ мы отчалили, надобно было подать милостыню бѣдному rampino, который крюкомъ придерживаетъ къ берегу барку, пока вы въ нее садитесь. Rampino—чисто Венеціанское явленіе. Тысячи стариковъ, морскихъ инвалидовъ, разставшихся съ бурями моря, не имѣютъ другаго промысла, какъ этотъ крюкъ (rampino), придерживающій гондолу, какъ вы въ нее садитесь или изъ нея выходите.

*

Всякому, кто дорожитъ достоинствомъ и благородствомъ слова политическаго и общественнаго, какимъ должны быть современные журналы и газеты, непремѣнно полюбится ежеднѣвная литература Италіи во всѣхъ столичныхъ городахъ ея, гдѣ только новый духъ гражданской свободы одушевилъ и развязалъ это слово. Оно отличается, по большей части, всюду характеромъ обдуманности, зрѣлости, основательности. Не страсть личная писателей, но духъ отечества внушаетъ его. Глубокое изученіе наукъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ, издавна пустившее корни во всей Италіи,

предлагаетъ ему твердыя основы, почву незыблемую. Философія Данта, Вико, Джіоберти, озаряетъ его общими свѣтлыми мыслями. Наконецъ искусство и вкусъ предлагаютъ ему формы изящныя, привлекательныя.

Наканунѣ втораго Ноября мы пріѣхали въ Миланъ. Этотъ день Римско-католическая церковь посвящаетъ поминовенію мертвыхъ. Истинныя чувства, выраженныя въ этотъ день газетою Perseveranza въ честь погибшихъ защитниковъ освобожденнаго отечества, соотвѣтствуютъ благоговѣйному обряду церкви, поминающей 2-го Ноября мертвыхъ.

Мы были въ Миланѣ въ самую счастливую минуту. Получена была телеграфическая депеша о побѣдѣ, одержанной королемъ Викторомъ Эмануиломъ, по ту сторону рѣки Гарильяно. Капуа сдалась, и гарнизонъ ея, состоявшій изъ 11,000 слишкомъ человѣкъ, взятъ въ плѣнъ, конечно, добровольный. Неаполь и Сицилія присоединились къ Италіи. Въ это же время получены были телеграфическія извѣстія изъ Перуджіи и Анконы о томъ, что Умбрія и обѣ Марки сдѣлали тоже. Въ Перуджіи всѣ граждане, раздѣлившись на сотни, съ знаменемъ національнымъ, надписавши на шляпахъ Si (да), при крикахъ: да здравствуетъ король! спѣшили класть свободные голоса свои въ сосудъ народнаго мнѣнія въ пользу соединенной Италіи.

Былъ день Карла Борромея, святаго мужа, въ которомъ Миланцы чтутъ благодѣтеля народа. Я нарочно довольно рано пошелъ въ церковь, ему посвященную, на Корсо Витторіо, и въ Миланскій соборъ. Множество народа въ обоихъ храмахъ приносило свои молитвы, въ томъ числѣ и воины—защитники отечества. Въ соборѣ покоятся мощи святаго; онѣ были въ этотъ день выставлены въ углубленіи посереди собора и освѣщены лампадами. Народъ тѣснился около нихъ.

Особеннымъ религіознымъ характеромъ отличается переворотъ, совершающійся теперь въ Италіи. Народъ весьма благоразумно умѣетъ различать злоупотребленія духовной власти отъ самой религіи, которой онъ былъ всегда преданъ. Въ тяжкія минуты бѣдствій своихъ и при свѣтломъ началѣ своего возрожденія, онъ еще болѣе чѣмъ когда нибудь чувствуетъ потребность въ вѣрѣ, въ утѣшеніяхъ, ею предлагаемыхъ, въ разумѣ вѣчной истины, которую она содержитъ и которой свѣтъ долженъ озарить новое дѣло гражданской свободы. Итальянцы понимаютъ, что, будучи раздѣлены политически внѣшнимъ образомъ, они всегда хранили внутреннее свое единство и тѣмъ обязаны были религіи, искусству ею вдохновенному, и литературѣ, взятой въ обширномъ смыслѣ. Сохранивъ въ самихъ себѣ это духовное единство, какъ народное сокровище, они получили силы возвратить и единство внѣшнее политическое, которое могло быть только вѣрнымъ результатомъ единства внутренняго.

Толпы молельщиковъ, приходившихъ въ храмъ и выходившихъ изъ него, мнѣ явно свидѣтельствовали о томъ, какъ сильна религія въ этомъ народѣ и какую потребность въ ней онъ ощущаетъ. Но меня поражало теперь сильнѣе одно явленіе, которое и прежде я замѣчалъ въ религіозной жизни Италіи: въ этомъ приливѣ и отливѣ людей, отдѣльно молящихся, я не видалъ стремленія ихъ слиться въ одно цѣлое, составить одну церковь въ самомъ обрядѣ богослуженія, и это, конечно, зависитъ отъ самаго обряда, совершаемаго или глухо священниками про себя, не сообщая таинства словомъ, или открыто, всенародно, но на Латинскомъ языкѣ, для народа непонятномъ. Одинъ

только органъ соединяетъ еще народъ Итальянскій въ храмѣ въ одно молящееся цѣлое; но музыка не слово, а вѣра требуетъ не одного чувства, но и участія мысли въ молитвѣ. Чувство можетъ выразиться звуками, но для мысли нужно слово опредѣленное.

Соборъ Миланскій, когда я нынѣшній разъ вошелъ въ него, произвелъ весьма стѣснительное впечатлѣніе на меня. Я почувствовалъ какое-то внутреннее утомленіе, безсиліе души, тягость нервическую. Таково дѣйствіе готическаго зодчества. Я и прежде ощущалъ его, но не въ такой степени. Огромность и темнота храма подавляютъ духъ, и потребно его усиліе въ молитвѣ, чтобы вознестись надъ мракомъ и осилить первое трудное впечатлѣніе. Тутъ необходимъ органъ, помогающій душѣ совершить это внутреннее дѣйствіе. Музыка даетъ ей крылья, возноситъ ее надъ этимъ мракомъ и открываетъ ей внутренній міръ, для нея созданный. Но органа не было, и я не могъ настроить души своей къ подобному дѣйствію.

Готическіе храмы, какъ Св. Стефана въ Вѣнѣ и соборъ Миланскій, напомнили мнѣ о томъ таинственномъ ужасѣ лѣсовъ, который обожали древніе Германцы по свидѣтельству Тацита, видя въ этомъ ужасѣ внѣшнее явленіе божества.

Но въ нашихъ древнихъ храмахъ, особенно если строены они объ одной главѣ, нѣтъ этого ужасающаго мрака, и отсутствуетъ подавляющее съ перваго раза впечатлѣніе. Лучи свѣта, проходя черезъ продольныя окна шеи купола, съ неба обливаютъ свѣтомъ всю церковь и особенно все духовное христіанское небо иконостаса, и четыре столпа храма, изображающіе мучениковъ, исповѣдниковъ и воиновъ христіанства. Это первое впечатлѣніе свободно переноситъ духъ вашъ въ небо, и Богъ принимаетъ васъ съ любовію въ своемъ домѣ и съ открытыми объятіями Отца, устремляя мысль вашу прежде всего къ основной истинѣ христіанства, къ довѣчному рожденію Сына отъ Отца, къ дѣйствію высочайшей любви Своей, которое есть вмѣстѣ и дѣйствіе Его верховной премудрости, а за тѣмъ къ воплощенію Сына земному, къ лону Его Матери, откуда истекло ваше спасеніе, и любовь предвѣчная стала любовью совѣчною всѣмъ вамъ, въ нее вѣрующимъ. Куда же скрылась эта основная истина христіанской церкви въ храмахъ готическихъ? Какъ отыскать ее въ этихъ потьмахъ, васъ окружающихъ? Какъ подняться до Бога сквозь этотъ мракъ? Онъ открываетъ Себя вамъ не свободно, но какъ будто требуетъ, чтобы вы прошли черезъ таинственное ярмо Его гнѣва и ужаса и чтобъ вы дѣйствіемъ такого униженія стяжали свободу Его верховной любви и истины.

Впрочемъ, всѣ пути ведутъ вѣрующаго къ Богу, и пожелаемъ, чтобы человѣчество этими разнообразными путями дошло къ Нему въ своей жизни и у престола Его соединилось въ любовь взаимную, которая одна только могла бы запечатлѣть безъ страха явленіе его свободы.

*(Продолженіе будетъ).*